

МНОГОЗНАЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ РУССКИХ И КУМЫКСКИХ ОНОМАТОПОВ

Алиева Самая Азеровна

к.филол.н., доцент, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
samaya.alieva.00@mail.ru

POLYSEMY IN THE SYSTEM OF RUSSIAN AND KUMYK ONOMATOPEES

S. Alieva

Summary: The article is devoted to the analysis of polysemantic onomatopoes in Russian and Kumyk languages. When the conditions for the realization of the subjective seme change, the meaning of the onomatopoes changes, which leads to its metaphorization. Metaphor is the most common type of polysemy in comparable languages. Metaphorical transfers of onomatopoeic words follow certain patterns. The various functions of onomatopoeic words are best revealed by the context. When translating polysemantic onomatopoes, it is important to take into account their ethnic and cultural specifics.

Keywords: cognitive sound descriptive function, metaphor, metonymy, polysemy, onomatop, figurative sense.

Аннотация: Статья посвящена анализу многозначных ономатопов в русском и кумыкском языках. При изменении условий реализации субъективной семы меняется значение ономатопа, что приводит к его метафоризации. Метафора – наиболее распространенный способ полисемии в сопоставляемых языках. Метафорические переносы ономатопов происходят по определенным моделям. Разнообразные функции ономатопозитических слов лучше всего выявляет контекст. При переводе многозначных ономатопов важно учитывать их национально-культурную специфику.

Ключевые слова: звукоизобразительная функция, метафора, метонимия, многозначность, ономатоп, переносное значение.

Феномен многозначности с античных времен находится в центре внимания ученых, представляющих различные области знания. Речь идет в первую очередь о лексической многозначности, или полисемии. Особый онтологический статус и заложенный изначально гносеологический потенциал привлекает к данному явлению и современных исследователей, среди которых Анна А. Зализняк [2], Г.И. Кустова [4], А.И. Ольховская [7].

Большинство лингвистов используют термины «многозначность» и «полисемия» как синонимичные. Однако Анна А. Зализняк полагает, что их следует разграничивать, так как многозначность – понятие более широкое, а полисемия подразумевает только лексическую многозначность. При этом исследователь употребляет еще один термин «неоднозначность» [2, с. 21].

Цель данной статьи – описать особенности функционирования полисемантических ономатопов в русском и кумыкском языках.

В нашем исследовании лингвистическому анализу будут подвергнуты, прежде всего, звукоподражательные лексемы – ономатопозитические глаголы и отглагольные существительные. Поэтому термины «многозначность» и «полисемия» считаем возможным использовать как синонимы. При этом следует отметить, что многозначное слово – ряд лексем, который в некоторой степени подобен синонимическому ряду, но в отличие от последне-

го, представляющего собой гетерогенное образование, «это гомогенный ряд, он состоит из лексем, принадлежащих одному слову» [11, с. 790].

Внезапно, наполнив лес трубными звуками, загалдели и загомозились на болоте проснувшиеся журавли (Соколов-Микитов. Глушаки). Лексема *журавль* употреблена в прямом значении – большая болотная птица с длинными ногами и шеей. Переносные значения у данного слова образуются на основании прямого. *Там плывет лебедкою русская дева; далее пристукивают козачка или выкидывают журавля* (И. Лажечников. Ледяной дом). Здесь *журавль* – элемент танца. Словарь русского языка С.И. Ожегова отмечает переносное употребление прилагательного *журавлиный* [6, с. 198]. У лексемы *журавль* можно выделить еще одно значение, традиционно фиксируемое в лексикографических источниках, – приспособление для подъема воды у колодца. *Мы сели и закурили, поглядывая на деревенскую чистую улицу с новым колодцем и колодезным журавлем* (Соколов-Микитов. Дударь). В Словаре русского литературного языка слово *журавль* в значении «шест у колодца» отнесен к омонимам [9, с. 191]. Мы полагаем, что, так как между всеми значениями лексемы *журавль* прослеживается определенная связь, то речь скорее идет о явлении многозначности, а не омонимии.

В Русско-кумыкском словаре находим одно соответствие двум значениям слова *журавль* (птица и шест у колодца) – «турна» [8, с. 296]. Третье значение (элемент

танца) имеет явно национально-культурную специфику и не находит отражения в большинстве словарей русского языка.

Интерес представляет следующий пример: *Вдруг из конюшни раздался отрывистый, силпый, полузадушенный лай: это рыдал Ефим Цыган* (Эртель. Гарденины). В приведенном предложении слово *лай* является синонимом словам *плач*, *рыдание* и представляет пример окказионального, индивидуально-авторского употребления. В отличие от значений, отмеченных в толковых словарях, где *лай* (отглагольное существительное от глагола *лаять*) обозначает звуки, издаваемые собакой, а при переносном употреблении вышеназванная лексема трактуется как бранная речь, здесь использовано совершенно иное толкование.

Для ономотопа *лай* (в значении плач) характерна максимальная степень реализации, несмотря на то что лексема употреблена в переносном значении. Звукоизобразительная функция здесь сохранена. Л.А. Горохова полагает, что обычно при переносном употреблении степень реализации нулевая, так как нет звукоподражательного значения [1, с. 10].

Одним из многозначных звукоподражательных глаголов является глагол *фыркать*. Основное его значение: с шумом выпускать воздух из ноздрей: *Лошадь фыркнула, рванула и отдернула меня от волка* (Даль. Охота на волков). При переносном употреблении *фыркать* – смеяться, производя отрывистые звуки носом. *Проخور фыркал, отдувался, гоготал* (Шишков. Угрюм-река). Однако довольно часто лексема *фыркать* обозначает сердиться, брюзжать, выражать недовольство. *Когда один из нас попросил ее [Таню] починить ему единственную рубашу, она только презрительно фыркнула* (М. Горький. Двадцать шесть и одна). Подобные толкования глагола *фыркать* приведены в Новейшем большом толковом словаре русского языка [5] и Словаре русского языка С.И. Ожегова [6, с. 857].

Лексема *фыркать* входит в два синонимических ряда – 1) *гнушаться* и 2) *смеяться*. Во втором примере представлены члены одного из таких рядов: *фыркал – гоготал*. В произведениях художественной литературы можно встретить случаи употребления данной лексемы в несвойственном значении. Приведем два таких примера:

1. *Самовар давно пофыркивал паром* (Шишков. Угрюм-река).
2. *Я застал уже конец пожара <...> в огромном кирпичном ящике буйно кипел и фыркал огонь* (М. Горький. Огонь). Если в первом предложении звуки пара, производимые кипящим самоваром, напоминают те, что образуются при прохождении воздуха через ноздри, то тем более необычно использование во втором предложении в качестве

источника звучания огня. Здесь речь идет о метафорическом употреблении. Изменились условия реализации субъектной семы, что привело к изменению значения и метафоризации. Лексемы *кипел* и *фыркал* выступают как контекстуальные синонимы.

В Русско-кумыкском словаре находим три соответствия русскому глаголу *фыркать* – 1) *пышгырмакъ* «с шумом выпускать воздух через ноздри»; 2) разг. *пырх-пырх деп кюлемек* «смеяться»; 3) перен. разг. *расисизлик билдирип, ачувланмакъ, къарсаламакъ* «брюзжать, выражать недовольство» [8, с. 1634]. Особенности смеха в кумыкском языке подчеркивает и примарно мотивированный ономотоп *пырх-пырх*.

Кумыкский глагол *пышгырмакъ* имеет в русском языке и другие соответствия «сопеть, пыхтеть». Все эти слова объединены дифференциальной семой способа звучания. Подтверждением могут служить следующие примеры:

1. *Маленькая лошадка, вся из сухожилий, прядая ушами, покосилась на нас круглым черным глазом – фыркнула*. «Гичирек аты, тамур-тамуру гёрынеген халда, къулакъларын тургъузуп, дё герек къара къёзлерин бизде бакъдыкды – пышгырды».
2. *Новый житель земли русской, человек неизвестной судьбы, лежа на руках у меня, солидно сопел*. (М. Горький. Рождение человека). «Рус топракны, не такъдирли икени белгисиз, яны адамны мени къучагъымда ятып пышгыра» (М. Горький. Адамны тувулунуву)».

Глагол *фыркать* в контекстном употреблении сочетается с поливалентными источниками звука и в русском и, в кумыкском языках. Именно художественный текст позволяет выявить разнообразные функции ономотопэтических слов.

Метафорические переносы при употреблении ономотопов могут происходить по различным моделям. Достаточно распространенными являются модели Человек → Природа и Животное → Природа. *Из лужи в лужу, из ручья в ручей перебулькивают капельки – то всхлипнут, то проворкуют* (Шишков. Угрюм-река). Е.В. Тишина предлагает при метафорических и метонимических переносах для ономотопов применять термин «звуковая ассоциация», когда одна фонация может сравниваться с другой фонацией [10, с. 11]. Натурфонация (звуки дождевых капель) ассоциируются с антропофонией (человек) и орнитофонией (птица). Кроме того, в данном примере писатель использует олицетворение и гетерогенные агломераты ономотопов, что лучше подчеркивает их звукоизобразительную функцию.

Аналогичное явление можно наблюдать и в следу-

ющем примере, но при этом употреблены гомогенные агломераты. *Орехи рассмеялись по чистому столу дробным смехом* (Шишков. Угрюм-река). Окказиональные (индивидуально-авторские метафоры) – важное изобразительное средство языка. Однако трудность заключается в том, что довольно сложно разграничить подобные метафоры от собственно языковых. И языковые, и окказиональные метафоры, которые характерны для определенной тематической и лексико-семантической группы (в нашем случае ономастопозетических слов), образуются по однотипным моделям.

Многозначное слово, по мнению Г.И. Кустовой, представляет собой единый семантический комплекс, системе значений [4, с. 17]. *Къарлыгъачдай бюлбюл тилим сарнатдым* (Й. Казак. Кёклеге тик улуй гетген окъ йимик). «Мой соловьиный язык щебетал, подобно ласточке (И. Казак. Звеня, подобно в небо пущенной стреле)». В этом примере поэт использует сразу два изобразительно-выразительных средства – метонимию и сравнение. Кумыкский глагол *сарнамакъ* употреблен в переносном значении – «говорить без умолку». Основные значения кумыкской лексемы совпадают с прямыми значениями русского глагола *щебетать*.

В ряде случаев переводчики учитывают национально-культурную специфику в системе ономастопов, что связано с особенностями семной структуры значения звукоподражательных слов. *Жымчыклар, къарлыгъачлар тереклени япракъларыны арасында, тюрлю тавушлар булан сарнамакъда эди* (Н. Батырмурзаев. Языкъ Гьби-

бат). «Воробьи, ласточки, порхая среди листвы, восторженно чирикали (Н. Батырмурзаев. Бедная Хабийбат)». В кумыкском языке для передачи чирикания существует специальный глагол *жырылламакъ*, который имеет несколько значений. В одном из своих значений он обозначает звуки журчащей воды, а в другом – чирикание и щебетание птиц. [3, с. 121]. Однако в вышеприведенном примере для характеристики звуков, издаваемых разными птицами, использован многозначный глагол *сарнамакъ* «петь, щебетать (о птице)». Поэтому, на наш взгляд, более удачной в русском переводе была бы лексема *щебетать*, так как для носителей русского литературного языка звуки, издаваемые ласточкой – это, прежде всего щебет. При подборе наиболее верного соответствия при переводе ономастопов следует обратить внимание на окрашенность слова в исходном языке и в языке перевода. Кроме того, крайне важна и функция, которую выполняет звукоподражательное слово в тексте.

Многозначность ономастопов – сложный вопрос, который по-разному трактуется. Большую роль в определении того или иного значения полисемантического слова играет контекст. Явление многозначности в системе ономастопов свойственно обоим сопоставляемым языкам. Среди наиболее распространенных способов полисемии для ономастопозетических слов в русском и кумыкском языках следует отметить, прежде всего, метафору, метонимию встречается гораздо реже. Различия в семной структуре русских и кумыкских ономастопов связаны с конкретной наполняемостью значения в структуре звукоподражательных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горохова Л.А. Семантико-прагматические и социолингвистические особенности функционирования ономастопов в текстах современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1998. – 21 с.
2. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. №2. – С.20 – 45.
3. Кумыкско-русский словарь: Более 30000 слов. Сост. Б.Г. Бамматов, Н.Э. Гаджихмедов. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 523 с.
4. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
5. Новейший большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: РИПОЛ классик, СПб: Норинт, 2008. – 1536 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов. Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
7. Ольховская А.И. Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 23 с.
8. Русско-кумыкский словарь: Более 40000 слов. Под ред. Б.Г. Бамматова. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1997. – 1754 с.
9. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965. Т.2.
10. Тишина Е.В. Русская ономастопея: диахронный и синхронный аспекты изучения: : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 22 с.
11. Толстая С. М. Многозначность слова в зеркале его дериватов//Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 790 – 801.

© Алиева Самая Азеровна (samaya.alieva.00@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»